

Низко поклониться актеру? Ли Хуан стиснул зубы и терпел. Затем его отвели к могиле Цзи Юйшэна. Он поклонился Цзи Юйшэну три раза, в то время как Су Ань холодно смотрел на него.

Ли Хуан снова поклонился трижды.

Три за тремя, только после того, как Ли Хуан потерял сознание и не смог продолжать, Е Суань остановился. Он посмотрел на капли крови на плите из голубого камня и повернулся, затем опустил глаза, чтобы извиниться перед Хэ Чанхуаем: «Я зашел слишком далеко в этом вопросе. Я надеюсь, что Второй Мастер не рассердится».

«Я привел его к тебе, чтобы ты выплеснул свой гнев», — улыбнулся Хэ Чанхуай, затем он взглянул на Ли Хуана краем глаза: «Поскольку ты выплеснул свой гнев, боссу Е больше не о чем беспокоиться».

Прохожие понесли Ли Хуана, чтобы отойти, а Су Ань сказал: «Спасибо, Второй Мастер».

Хэ Чанхуай снял шляпу и слегка улыбнулся ему. Его враждебная аура рассеялась, и он снова вернулся к своему цивилизованному и вежливому виду: «Босс Е вежлив».

Он шагнул вперед и остановил лошадь: «Я слышал, что босс Е недавно искал врача?»

Е Суань вздохнул: «Да».

«Я знаю довольно много западных врачей, и все они живут в особняке Нань». Хэ Чанхуай сел на лошадь и протянул руку: «Я отвезу босса Е на прием, и это будет считаться еще одним извинением».

«Второй Мастер слишком вежлив», — Су Ань немного поколебался, затем протянул руку: «Спасибо, Второй Мастер».

Хэ Чанхуай затащил его на лошадь, и мир закружился. Хэ Чанхуай в мгновение ока обнял Су Аня, а человек позади него прошептал ему на ухо, заставив его на мгновение зачесаться: «Босс Е, сколько фраз благодарности ты мне сказал?»

Затем лошадь поскакала прочь.

По пути к особняку Нань число иностранцев постепенно увеличивалось. Су Ань был немного обеспокоен и слегка откинулся назад. Хэ Чанхуай естественно протянул руку, чтобы обнять его, и неторопливо сказал: «Босс Е, ты можешь уверенно опереться на меня. Всегда есть несколько иностранцев, на которых ты должен обратить внимание, ты видел этих рыжеволосых иностранцев? Босс Е должен быть осторожен, когда видит их. Они могут есть людей, и им нравится есть людей с такой кожей и нежным мясом, как у тебя».

Е Суань испугался и отпрянул: «О Боже!»

Это довольно страшно, Второй Мастер.

Хэ Чанхуай обнял его с довольным видом: «Босс Е, ты боишься?»

«Как люди могут есть людей?» Су Ань несколько раз закашлялся из-за холодного ветра, и его лицо побледнело. «Второй мастер Хэ, поторопись и быстро подгони лошадь».

Хэ Чанхуай намеренно направил свою лошадь к рыжеволосому иностранцу. Е Суань никогда раньше не имел дела с иностранцами, поэтому он не мог не нервничать еще больше. Он повернул лицо и уткнулся им в шею Хэ Чанхуая: «Второй мастер, поторопись».

«Хорошо», — Хэ Чанхуай поднял кнут и осторожно опустил его. «Скоро мы сможем проехать».

Су Ань почувствовал их медленную скорость и не мог не вздохнуть, Хэ Чанхуай действительно умеет играть. Он фыркнул, прислонившись к шее мужчины, наблюдая, как его кадык чувствительно перекатывается, и не мог не почувствовать себя счастливым.

Чем больше он смотрел на Хэ Чанхуая, тем больше тот походил на дядю Хэ.

Хотя их внешность и личности были разными, из незначительных деталей, вместе с его интуицией, они точно сказали ему, что это был один и тот же человек. Если он действительно был дядей, то, казалось, даже переселенец мира все равно должен был следовать замыслу персонажа.

«Неудачные отношения», — сказал Су Ань в своем сердце.

В особняке Нань Хэ Чанхуай повел Су Аня на поиски западного врача. Затем они отправились к психиатру. Увидев, что Су Ань заинтересовался, он объяснил: "Это нужно мастеру Ли".

Когда он упомянул мастера Ли, его тон был легким, а лицо - безразличным, и цвет его лица был слишком холодным. Он не выглядит ни в малейшей степени близким, потому что собеседник был его двоюродным братом.

Су Ань понял, что, похоже, в отношениях между Хэ Чанхуаем и особняком Ли остались лишь последние крупницы привязанности.

...

Голос Юй Цюна позже был отравлен, чтобы заглушить, но удача была на стороне ребенка, и он

не был полностью сломан. После того, как Западного Доктора позже отвели обратно, Су Ань попросил кого-то найти двух хороших врачей. Спустя полмесяца Юй Цюн наконец смог с трудом выплюнуть несколько слов.

Хотя он не говорил хорошо, его голос был исключительно хорош. Су Ань чувствовал, что нашел дойную корову, и, глядя на несравненное послушание и зависимость Юй Цюна от него, он становился все более и более добрым к Юй Цюну.

За последние две недели отношения между Су Анем и Хэ Чанхуаем стали намного ближе. Манеры Хэ Чанхуая, сдержанный темперамент и элегантная внешность заставили Су Аня поволноваться за него.

Старший брат, ах, неужели ты не хочешь подняться наверх? Ах, неужели тебе действительно нужно так сдерживаться?

Су Ань так долго был один, и была поговорка, что когда человек накормлен и согрет, его сексуальные желания проявятся*. Прямо сейчас он просто хотел позволить Хэ Чанхуаю раскрыть свою истинную природу и немедленно дать ему раунд.

*□□□□□ - /bǎo nuǎn sī yín yù/

Когда человек накормлен и согрет, у него возникают сексуальные желания. / Распутство - распространённый порок среди богатых. / Роскошь ведёт к сексу. / Материальный комфорт ведёт к сексуальному желанию.

Но на первый взгляд Су Ань, цветок Гаолина, относился ко Второму Мастеру Хэ лишь с безразличием и взглядом, говорящим: «Ты ни за что не дотронешься до этих маленьких рук».

Хэ Чанхуай находил это все более и более невыносимым после того, как он его дразнил. Несколько раз, когда Су Ань не замечал, он смотрел на того ужасающе темными глазами.

В тот день ворой мастер Хэ только получил зимние цветы с севера и хотел отправить их Боссу Е. Он прошел весь путь до глубины двора и остановился перед спальней Босса Е. Он собирался постучать в дверь, когда услышал, как кто-то разговаривает.

«Юй Цюн», — смеясь, сказал Су Ань, — «Послушай, эту строчку следует петь вот так».

Оказалось, что босс Е попросил Юй Цюна спеть.

Лицо Хэ Чанхуая было бледным, и выражение его лица было некрасивым.

В последнее время Босс Е все больше и больше интересовался Юй Цюном. Он не только нашел ему хороших врачей, но и много хороших лекарств. Тем временем, Хэ Чанхуай приложил

немало усилий, чтобы заставить Босса Е спеть для него. Этот парень действительно хорош, он может слушать его столько, сколько захочет.

Темные эмоции всплыли, но были насильно подавлены. Бурные эмоции в глазах Хэ Чанхуая медленно успокоились. Его глаза были темными, и он собирался толкнуть дверь, чтобы войти, когда в комнате раздался еще один обмен мнениями.

Юй Цюн спросил хриплым голосом: «Мастер, тебе нравится Второй Мастер?»

Хэ Чанхуай тоже подумал об этом и невольно затаил дыхание.

Е Суань несколько раз улыбнулся: «Как мне может нравиться Второй Мастер Хэ?»

Юй Цюн вздохнул с облегчением, но был озадачен: «Тогда почему ты так близок со Вторым Мастером Хэ?»

Задав этот вопрос, Юй Цюн также придержал свой потный нос. Су Ань не стал его ругать, но глубоко вздохнул: «Юй Цюн, ты еще молод и не знаешь, что правильно, а что нет. Конечно, мне не нравится Второй Мастер Хэ, но я также не могу его оскорбить. Кроме того, Второй Мастер Хэ очень силен, и если он заставит меня, я не смогу сопротивляться. Лучше терпеть тошноту, быть лицемерным с ним, быть послушным и получить его благословение».

Его слова были очень мягкими, но они пронзили сердце Хэ Чанхуая, словно мягкий нож.

«Если бы не театр, кто бы вынес Второго Мастера Хэ?»

За дверью.

Выражение лица Хэ Чанхуая было искажено, дыхание было тяжелым, а глаза налились кровью.

Так что это просто ложный предлог, потому что у тебя нет выбора!

Он смял цветы в руках, и Хэ Чанхуай едва не лишился рассудка от гнева и боли.

Е Суань был слабым, но высокомерным. Хэ Чанхуай обычно защищал его так же, как и сокровище в своем сердце. Он даже не смел позволить малейшему ветру прорваться, он не смел позволить ему страдать от малейшей обиды. В результате, когда дело касалось босса Е, это было только потому, что его вынуждали, и у него не было выбора, кроме как притворяться вежливым и послушным.

И ему пришлось терпеть тошноту, чтобы играть с ним!

Грудь Хэ Чанхуая сжалась так, что он хотел блевать кровью. Он использовал всю свою силу воли, чтобы подавить свою ярость, он дважды отвратительно рассмеялся и повернулся, чтобы уйти.

Уши Су Аня дернулись, и он открыл дверь, чтобы посмотреть. С кирпича перед дверью капало несколько капель густого желтого цветочного сока, которые разбились и рассыпались.

Айя, Су Ань опустил глаза с жалостью, чувствуя жалость ко Второму Мастеру Хэ, который слышал, что он сказал.

Но если бы он его не заставлял, как бы он мог сделать это счастливое дело, хе-хе-хе.

...

Следующие несколько дней были спокойными и тихими. Как раз когда Су Ань размышлял, не сработает ли его план, к нему пришел западный врач и сказал Су Аню по-китайски: Ему нужно лекарство из соседнего города. По совпадению, человек, у которого было лекарство в соседнем городе, был знаком Су Аню. Это лекарство было драгоценным, и западный врач сказал, что оно срочное, поэтому Су Ань просто сам отправился в соседний город, готовый навестить своего друга, чтобы получить лекарство.

Он взял с собой только Чан Ши, а затем они выехали на повозке из города на север.

Чан Ши, который был снаружи, спросил: «Хотите немного поспать?»

Су Ань оказался немного уставшим. Он потер лоб и откинулся в сторону: «Тогда я сделаю перерыв, разбуди меня в полдень».

Су Ань поспал некоторое время, он не знал, сколько времени прошло, но его разбудили шумные звуки снаружи. Повозка мчалась быстро, болтаясь, как лодка из листьев. Затем Чан Ши встревоженно крикнул: «Босс Е! Просыпайтесь! Идут бандиты!»

Су Ань был поражен. Он с большим трудом поднялся на заднюю часть трясушей повозки, открыл занавеску и оглянулся, только чтобы увидеть группу бандитов с мачете, преследующих его по пятам. Каждый из них был свирепым и злобным, и звук завываний был непрерывным.

Лицо Су Аня побледнело. Повозка не могла обогнать лошадь, и их скорость становилась все медленнее и медленнее. Чан Ши стиснул зубы и остановился. Он побежал назад и потянул Су Аня вниз, и они спрятались в кустах у дороги: «Мастер, не издавайте ни звука, оставайтесь здесь. Сначала я уведу бандитов, а потом вернусь, мастер! Не издавайте ни звука!»

Су Ань крепко сжал свою тканевую сумку и с усилием успокоился. «Я знаю, мне жаль!»

Чан Ши быстро побежал обратно и ускакал. Су Ань прикрыл рот и спрятался за деревом. Он был всего лишь владельцем театра, у которого не было сил даже связать курицу, он никогда не испытывал такой опасности. Но в критический момент ему пришлось положиться на себя. Е Суань сделал несколько глубоких вдохов, дрожащими руками он развязал сумку, чтобы вытащить из нее пистолет. Однако прежде чем он успел даже прикоснуться к ней, сзади к нему подошел мужчина и, потянув его за запястье, сильно прижал его к толстому стволу дерева.

«Ах», — воскликнул Су Ань и встревожился: «Кто это!!»

Человек позади него был чрезвычайно высок. Голова Су Аня была прижата им, а его ноги и руки также были обездвижены и не могли двигаться. Запах пота от тела мужчины ударил в него, а грубая одежда натерла шею Су Аня докрасна.

Раздался хриплый смех и нарочито сдержанный грубый голос: «Эй, повезло сегодня братьям, деньги не украли, а красавицу поймали».

Лицо Су Аня было бледным, все его тело дрожало. Зная, что он попал в руки бандитов, он смягчил тон и дрожащим голосом сказал: «Не трогайте меня, господин. Я босс здания Ишуй в Цзинчэне. У меня есть деньги, отпустите меня, и я дам вам денег».

Мужчина позади него дважды рассмеялся, запах дыма и огня был сильным, «Так ты босс театра». Су Ань прикусил губу, чтобы не сойти с ума. Краем глаза он взглянул на тканевый мешок на земле. Благодаря бдительности мужчины он заметил его и отбросил тканевый мешок далеко в сторону.

Все кончено.

Е Суань был в трансе, его спасительные вещи полностью исчезли, и он не мог сдержать покраснение уголков глаз и молил о пощаде: «Сколько хотите, господин, можете назвать число?»

Он тихонько плакал, чем злил человека. Разбойник позади него вдруг грубо шлепнул его по щекам и строго сказал: «Не плачь по Лао-цзы!»

Е Суань резко перестал плакать. Он чувствовал себя крайне обиженным в своем сердце, но все еще смиренно молил о пощаде на поверхности: «Господин, я попрошу своего слугу вернуться в Цзинчэн за деньгами. Подождите, пока не увидите деньги, а затем отпустите меня, сумма вас удовлетворит, как вы думаете, это нормально?»

Бандит усмехнулся: «Деньги?»

Е Суань подумал, что он тронут, и поспешно кивнул: «Эй, не причиняйте мне вреда, можете

взять столько, сколько захотите».

«Но мне не деньги нужны, — холодно продолжал бандит, — мне не хватает женщины. Видя, какой ты нежный, почему бы мне не взять тебя обратно и не сделать моей невесткой, чтобы согреть мою постель?»

Глаза Су Аня расширились, он не мог в это поверить. Отреагировав, он покраснел и яростно закричал: «Проваливай!!!»

Злобный бандит крепко держал его, и в конце концов ему надоело его сопротивление. Он безжалостно и жестоко тер Су Аня и с силой разорвал одежду на груди Су Аня.

С разрывом — хлопчатобумажная одежда обнажилась из-под куртки. Су Ань задыхался, его руки ослабли: «Не трогай меня».

Так круто, ууууу.

Хэ Чанхуай чертовски хорош в игре.

Сильное дыхание мужчины достигло кончика его носа, и жар ревел, этот человек обжигал его спину, как печь.

Су Ань узнал Хэ Чанхуая в середине, и именно потому, что он знал, что это был Хэ Чанхуай, он сопротивлялся так яростно. Потому что он знал, что чем больше он будет таким, тем больше Хэ Чанхуай будет сжигать свой рассудок гневом.

Больше всего ему нравится иррациональный Хэ Чанхуай.

Увидев его таким жалким, Хэ Чанхуай не мог не рассеять некоторую жестокость в своих глазах, и его движения остановились. Но как раз когда он почувствовал жалость к Су Аню, человек с ядовитым ртом, похожим на нож, снова заскулил: «Для мужчины прикасаться к другому мужчине, так отвратительно...»

Одним «щелчком» доводы Хэ Чанхуая вместе с его последней жалостью были полностью сожжены.

Автору есть что сказать:

Су Ань: Я не позволю тебе трогать мои маленькие ручки.

Хэ Чанхуай: Почернение

Су Ань: Айя, мужчине отвратительно прикасаться к другому мужчине.

Хэ Чанхуай: Сошел с ума

<http://bllate.org/book/15646/1398817>